

**О КОНФЛИКТЕ Э.В. ТОЛЛЯ И Н.Н. КОЛОМЕЙЦЕВА ВО ВРЕМЯ
ЭКСПЕДИЦИИ ДЛЯ ПОИСКА ЗЕМЛИ САННИКОВА**

© 2022 г. Н. Г. Сухова*

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия*

**E-mail: ngsukhova@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.05.2022 г.

После доработки 26.05.2022 г.

Принята к публикации 06.06.2022 г.

Отношения между начальником экспедиции для поиска “Санниковой земли” Э.В. Толлем и командиром шхуны “Заря” Н.Н. Коломейцевым, почти с самого начала экспедиции (1900 г.), складывались не лучшим образом. Завершились эти отношения конфликтом, в результате которого Коломейцев подал рапорт об отставке, а Толль не только принял этот рапорт, но и нашел благовидный предлог, для того, чтобы расстаться с опытным командиром яхты. Это событие стало несомненно одной из причин гибели Толля.

Ключевые слова: Э.В. Толль, Н.Н. Коломейцев, экспедиция на шхуне “Заря”, Земля Санникова

DOI: 10.31857/S0869607122030089

Идея “Санниковой земли” появилась в 1810-х гг. благодаря промышленнику Я. Санникову. Во время экспедиции М.М. Геденштрома, когда была описана целая группа островов, получивших затем название Новосибирских, Я. Санников видел, как ему казалось, землю к северо-западу от о-ва Новая Сибирь и к северо-востоку от о-ва Фаддеевский. Об этих землях М.М. Геденштром сообщил в своем отчете об экспедиции и поместил их на карте, приложенной к этому отчету. Сведения о земле, открытой Санниковым, широко распространились в России в XIX в., хотя П.Ф. Анжу, участник экспедиции Ф.П. Врангеля (1820–1824 гг.), пришел к выводу, что к северу от Новосибирских островов нет земли, и путешественники в полярных морях видят только миражи.

В 1880-х гг. Э.В. Толль, побывав во время экспедиции на Новосибирских островах, как ему показалось, тоже увидел “Землю Санникова”, и с тех пор мечтал отправиться ее исследовать. Эту идею поддержала Петербургская Академия наук. Об экспедиции Толля опубликовано немало работ. В основе большинства из них книга лежит П.В. Виттенбурга [2]. В распоряжении Виттенбурга был дневник, который вел Толль во время экспедиции, а также материалы, которые ему прислали из Эстонии вдова Толля и А.А. Бунге (руководитель новосибирской экспедиции в 1885–1886 гг.). Для своей книги Виттенбург использовал также сведения из рукописи В.С.Кривенко, сохранившейся в архиве РАН. Экспедиции Толля посвящена также публикация автора этой статьи [4]. Но в этих работах не нашли отражения отношения между Э.В. Толлем и командиром шхуны (яхты) “Заря”, на которой Э.В. Толль отправился на поиски “Земли Санникова. Эти отношения и рассматриваются в настоящей статье.

В конце сентября 1900 г. Э.В. Толль отметил в своем дневнике: “Угольный вопрос становится жгучим; на будущий год у нас останется угля только на 20 дней плавания, т.е. едва до Земли Санникова и ни шагу дальше” [5, с. 60]. А 6/18 января 1900 г. записал: “Наконец, договорились! К общему удовольствию угольный вопрос решен!” И на следующий день Толль познакомил командира “Зари” Н.Н. Коломейцева с планом решения этой проблемы. Тот должен был в первый день появления солнца отправиться на реку Хатангу, а затем к рекам Енисею и Лене для организации угольных складов в гавани Диксона и на острове Котельном. Командование “Зари” Толль передал лейтенанту Ф.А. Матисену.

На первый взгляд не произошло ничего особенного: начальник экспедиции дает важное поручение одному из ее участников. Но Толль поручил это дело опытному командиру яхты “Заря”, который до тех пор успешно справлялся со всеми сложностями плавания по Ледовитому океану. На странность такой ситуации обратил внимание уже В.С. Кривенко (автор первой биографии Э.В. Толля).¹ “Для лиц, знакомых с военно-морской психологией не может показаться нормальным снятие во время незаконченного рейса капитана судна — писал Кривенко. — Невольно закрадывается мысль о конфликте между двумя хозяевами [так — Н.С.] на одном судне, обладающими при этом самостоятельными характерами”.² Своему предположению Кривенко не нашел подтверждения ни в отчетах участников экспедиции, ни в дневнике Толля; сведения о конфликте отсутствуют и в протоколах Комиссии Русской полярной экспедиции (РПЭ). Однако сохранились письма Толля и Коломейцева, свидетельствующие о том, что о конфликте знали и президент Академии наук, и секретарь РПЭ.³

Прежде чем познакомиться с содержанием этих писем, следует напомнить историю приглашения Коломейцева в экспедицию Толля для поиска “Санниковой земли”.

Э.В. Толль долго искал спутников для своей экспедиции и получал много предложений. Но задача выбора участников экспедиции по Ледовитому океану была сложна. Многие энтузиасты реально не представляли себе трудностей, которые ожидали их в полярных областях, а другие не имели возможности надолго освободиться от службы, или подходящего характера и состояния здоровья.

5 мая 1899 г. Э.В. Толль познакомился с морским офицером Николаем Николаевичем Коломейцевым и предложил ему принять участие в экспедиции для поиска “Санниковой земли”. Н.Н. Коломейцев (1867–1944) к этому времени уже был опытным морским офицером и к тому же в 1893 г. участвовал в экспедиции к устью Енисея [3, с. 162]. Его заинтересовало это предложение, однако тогда он еще не знал, какое получит назначение по службе. Об этом можно узнать из письма Коломейцева, написанного 26 мая 1899 г. в ответ на письмо Толля с приглашением в экспедицию. Коломейцев сообщал, что назначен на постройку крейсера “Варяг” в Филадельфию и должен туда отправиться 1 июня. Он писал: “я считаю честью для себя участвовать в Вашей экспедиции, и на меня Вы в любой момент можете рассчитывать. Боюсь только, что мое отсутствие даст право морскому министру отклонить Ваше ходатайство о моем прикомандировании, впрочем, все дело в Ваших руках”.⁴

Толль не сразу предпринял необходимые шаги. 23 августа 1899 г. морской министр сообщил президенту Академии наук, что офицеры и нижние чины могут быть назна-

¹ В.С. Кривенко был сотрудником созданной в 1925 г. при Академии наук Якутской комиссии. Собирая материалы об исследователях Якутии, он особое внимание уделил сведениям о Толле. На основе дневника Толля, опубликованного в 1909 г. в Берлине его женой Эвелиной Толль и писем А.А. Бунге, присланных в Якутскую комиссию, а также материалов академического архива, Кривенко написал биографию Толля. Рукопись Кривенко не была опубликована, но ею пользовался П.В. Виттенбург — автор единственной до сих пор книги о Толле [2].

² СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. № 102. Л. 148.

³ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 39. Л. 23–27; № 64. Л. 66–80.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 8. Л. 39 об.

чены в экспедицию, и спрашивал, кого из офицеров Академия желала бы иметь.⁵ Но в начале октября в письме к Ф. Нансену Толль отметил, что вопрос еще не решен [6].

Но, когда наступила осень, а подходящего кандидата найти все еще не удалось, Толль обратился к неперемемному секретарю Академии наук с просьбой “снести с морским министром”, чтобы тот разрешил освободить Коломейцева от его обязанностей в Филадельфии. Дата этого обращения неизвестна, но 22 октября в Филадельфию пришла телеграмма: “Возвратить немедленно лейтенанта Коломейцева в Петербург для назначения командиром экспедиции на Санниковы острова. Путевые издержки будут возмещены Академией”.⁶ А вскоре сам Коломейцев получил телеграмму Толля с сообщением о назначении командиром яхты “Заря”, и о том, что Матисен будет его помощником. 27 октября Коломейцев писал Толлю: “Вчерашняя телеграмма Ваша, доказала мне, что Вы не забыли меня. /.../ Хотя командиру крейсера “Варяг” и стало известно о моем согласии, но он так был уверен, что меня не отпустят к Вам, что и я, не получая от Вас известий, тоже думал, что об участии моем в экспедиции нечего и думать. /.../ Повторяю еще раз, что я считаю честью для себя то место, которое Вы мне предложили, и думаю, что с Божьей помощью я не заставлю Вас раскаиваться в Вашем выборе”.⁷

Судя по содержанию этого письма, Коломейцев не только радовался своему назначению, но и уже чувствовал себя членом экспедиции. Письмо характеризует его как весьма ответственного человека. Он беспокоился о том, что израсходовал деньги, полученные от морского ведомства, и расходы на его возвращение могут лечь на средства экспедиции, интересовался характеристикой экспедиционного судна, спрашивал, почему изменилась программа экспедиции, где будут пополняться запасы угля во время плавания, какими инструментами и картами сможет снабдить путешественников Гидрографический департамент. По мнению Коломейцева, несмотря на дороговизну, следовало, приобрести прибор, который “дает знать, когда судно приходит на желательную глубину”.

Коломейцев вернулся в Петербург в начале января 1900 г. и отправился в Норвегию (в Лаурвик), где участвовал в переоборудовании судна, приобретенного Толлем для экспедиции. В мае Коломейцев привел яхту “Заря” в Петербург, и она почти месяц стояла у набережной Васильевского острова. Путешественники покинули Петербург в июне. После краткой остановки в Кронштадте, обогнув Скандинавский полуостров, “Заря” достигла городка Александровск в Екатерининской гавани на Кольском полуострове. Из Екатерининской гавани судно ушло 19/31 июля 1900 г., и той же ночью Коломейцев сообщил Толлю о течи в двух местах машинного отделения. Однако Толля это не огорчило. Во всяком случае, в дневнике он отметил: “Это меня не удивляет, так как мы сильно перегружены и сидим на один фут ниже, чем полагается” [5, с. 13]. Когда же достигли острова Колгуева, оказалось, что шхуна, которая должна была доставить из Архангельска уголь, предоставленный для экспедиции морским министерством, туда еще не пришла. К мысу Гребень (остров Вайгач) шхуна могла придти только позже “Зари”. Угля на борту “Зари” было всего 300 тонн, но роковым он считал не это, а потерю времени в ожидании шхуны. По мнению Толля, добраться до мыса Челюскин следовало в 1900 г., и поэтому он решил начать плавание не дожидаясь шхуны с углем (!)

Из пролива Югорский шар Коломейцев благополучно провел “Зарю” через непредсказуемое Карское море,⁸ которое частично было покрыто льдом, а затем смог пре-

⁵ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1. Л. 78–80.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 8. Л. 33.

⁷ Там же. Л. 35–35 об.

⁸ В одном из своих писем из экспедиции А.А. Бялыницкий-Бируля писал: “В Карском море пришлось пробираться в густом паке, часто бывали такие минуты, когда думалось что нас затрет и придется проболтаться, как это было с “Dymphana”, целый год среди этих грязных льдин и густого тумана” [1, с. 91].

одолеть и сложнейшие ледовые условия вблизи западного берега Таймырского полуострова. Судя по содержанию отчета и дневника Толля, Коломейцев активно участвовал в делах экспедиции и на берегу, а сам Толль по разным поводам с ним часто советовался. Однако из упомянутых выше писем можно также узнать, что Толль и Коломейцев неоднократно бывали недовольны друг другом.

О своих отношениях с Коломейцевым Толль написал президенту Академии наук в отчете о деятельности экспедиции за 1900 г. По его словам: “работы экспедиции идут удовлетворительно. Единственным затруднением является личность командира “Зари” лейтенанта Коломейцева”.⁹ Затем Толль подробно рассказал о причинах, по которым отвергал разных кандидатов на должность командира “Зари”, и почему долго колебался, размышляя, пригласить ли Коломейцева. Согласно Толлю, он избрал Коломейцева только в ноябре 1899 г., так как до тех пор не смог найти никого другого, а без командира яхты нельзя было в следующем году отправиться в экспедицию. “[лейтенант] К[оломейцев] считался хорошим офицером и моряком, и мне он известен был как человек трезвый и исполнительный, но имеющий тяжелый характер, как единодушно свидетельствовали его товарищи. /.../ Полагаясь на кажущуюся любовь к делу и ум л-та К-ва, и ожидая от него как морского офицера дисциплинированности, я надеялся, что тяжелые черты его характера будут чувствоваться только мною, но не в делах экспедиции и потому, наконец, остановился на нем”.¹⁰ Так как сохранилась переписка Толля с Коломейцевым, можно предположить, что о подробностях приглашения Толль забыл, а о “тяжелых чертах характера Коломейцева” узнал только после личного с ним знакомства.

В качестве примера тяжелого характера Толль рассказал о том, что после того как в Александровске один матрос напился, а затем пьяные матросы устроили драку на берегу, Коломейцев считал, что в наказание следует их выпороть, так как только с помощью телесных наказаний можно справиться с таким скверным поведением нижних чинов. Но, по мнению Толля, телесные наказания унижают человеческое достоинство, поэтому пороть матросов он не разрешил. “Возмущенный грубостью и несправедливостью Коломейцева” и предполагая, что строгости его могут привести к тому, что лучшие матросы разбегутся, так как ему “известно было увеличивающееся недовольство команды против офицеров”, Толль стал размышлять, не списать ли командира с судна. Однако, принимая во внимание, что это могло случиться накануне выхода в море, а плавание только с офицерами, не побывавшими в Карском море, рискованно, Толль решил, что Коломейцев должен остаться. Толль писал президенту: “во время плавания дело шло сравнительно хорошо. Офицеры, убедившись в отличных качествах матросов, стали обращаться с ними как с людьми, о пьянстве, конечно, во время плавания не могло быть и речи. Однако при наступлении зимней ночи оказалось, что зло не вырвано с корнем и даже возросло”.¹¹

Очередной конфликт разразился в связи с организацией научных наблюдений вблизи Таймырского полуострова. Эти наблюдения должны были вести как ученые, так и морские офицеры, поэтому и судовую вахту временами пришлось бы нести штатскому лицу. Коломейцев с таким распоряжением решительно не согласился, считая, что на судне во время дежурства должен обязательно находиться он или другие морские офицеры, что “дежурство господ ученых по судну несогласно с военным морским уставом”. Толль полагал, что “отсутствие одного из офицеров в течение суток один раз в неделю не может грозить безопасности судна”.¹² Однако после бурного спора по этому поводу, Коломейцев подал Толлю рапорт, подробно объясняя свою

⁹ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп.1. № 39. Л. 23–23 об.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 14. Оп.1. № 39. Л. 23–23 об.

¹¹ Там же. Л. 24 об.–25.

¹² Там же. Л. 25.

позицию, и отметив, что если его доводы не убедительны, его можно отправить с Расторгуевым и почтой на Хатангу.

Этот рапорт чрезвычайно возмутил Толля, считавшего, что командир “Зари” не имеет права не выполнять распоряжения начальника экспедиции. Между тем, Коломейцев не только подал рапорт, но и два дня не выполнял свои обязанности командира. “После того, как все члены экспедиции единодушно растолковали ему несправедливость его поступков и неосновательность его претензий, Коломейцев пришел в мою лабораторию чтобы примириться, стараясь придать всему делу характер личной ссоры”.¹³ Толль с таким мнением не согласился. Тем более, что во время спора Коломейцев высказал мысль, которая чрезвычайно обидела Толля. “Например, согласно его собственным словам, если он найдет опасным пройти [так – *Н.С.*] через льды к берегам Санникова и Беннета или же там зимовать, то он, помимо моего приказа, считает себя вправе повернуть обратно”.¹⁴ В этих словах Толль, почувствовал сомнение в возможности найти землю Санникова. Вероятно, обида и продиктовала Толлю в письме к президенту слова о том, что Коломейцев “не имеет тех необходимых основ, без которых исполнение задач экспедиции немыслимо, а именно: дисциплинированность, понимание своих обязанностей и любовь к делу”, что он придерживался “только узко спортивных взглядов на экспедицию”.¹⁵ По мнению Толля, причиной недисциплинированности Коломейцева было “его болезненное самолюбие”, и это может проявиться во “вредной для экспедиции угрозе”. Конечно, Толль знал, что неправ, но не смог справиться с вполне понятным раздражением. В заключение письма он отметил, что Коломейцев до сих пор “хорошо выполнял свои обязанности, но не является незаменимым”, поэтому вместо него назначил командиром судна Ф.А. Матисена, который “имеет миролюбивый характер и опыт плавания”. Так как Коломейцеву была поручена организация угольных складов, что полезно для экспедиции, Толль предлагал считать его членом экспедиции и наградить после её окончания.¹⁶

Гораздо более подробно, чем Толль, о тех же событиях Коломейцев написал секретарю Комиссии Русской полярной экспедиции В.Л. Бианки (1 июля 1901 г., Красноярск). “Мой приезд с места зимовки, вероятно, поставил Вас в совершенную неожиданность. Из телеграммы, посланной Толлем, Вам д[олжна] быть понятна причина приезда, но почему именно моего, а не кого-нибудь другого, вот вопрос на который следует ответить”.¹⁷ И Коломейцев отвечал, подробно излагая события, происходившие с того времени, когда он стал командиром “Зари”.

Согласно Коломейцеву, с первой же встречи он обнаружил желание Толля распоряжаться не только научной частью экспедиции, но и делами на “Заре”. Поэтому Коломейцев считал, что необходима инструкция, которая определяла бы отношения между начальником экспедиции и командиром “Зари”. Такую инструкцию составил президент Академии наук, и в ней было сказано, что начальник экспедиции “распределяет все научные работы, предоставляя командиру полную свободу в управлении судном”. По мнению Коломейцева, Толлю не понравилась эта часть инструкции.

Коломейцев подробно рассказал также о причине конфликта в Александровске. Сначала он узнал о венерической болезни одного из матросов, и когда доктор это подтвердил, матроса (с разрешения Толля) он с “Зари” списал. Другой матрос напился и вел себя так, что его пришлось усмирять всей командой. Коломейцев предложил перевести этого матроса в “разряд штрафованных” (т.е. таких, которые могут быть подвергнуты телесному наказанию). Но Толля возмутило такое “порушение человеческого

¹³СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 39. Л. 25 об.

¹⁴Там же. Л. 25.

¹⁵Там же. Л. 26.

¹⁶СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 39. Л. 27.

¹⁷СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 64. Л. 66.

достоинства”, и тогда Коломейцев (также с согласия Толля) этого матроса тоже списал на берег. Однако, на следующий день напилась вся команда и устроила драку на берегу. Толль был очень взволнован и даже спрашивал Коломейцева, что же случилось. И тогда Коломейцев ему сказал: “для человека с достоинством случилась очень печальная история, а для нашего матроса самая обыкновенная вещь, и что он (Толль) горько ошибается, говоря, что они такие люди, как мы, что они наши друзья и т.д., словом “равенство, братство и свобода””. Драка, по мнению Коломейцева, свидетельствовала как раз о том, что разница между офицерами и матросами существует. Услышав такое мнение, Толль “вышел из себя” и предложил Коломейцеву уехать, о чем тотчас собирався сообщить президенту Академии наук. Коломейцев на это ответил, что “уехать готов, но менять свои взгляды не намерен”.¹⁸ В письме к Бианки он отметил: “хотя я и чувствовал неудобство совместного служения, но крепился, так как еще в СПб считал свой отъезд возможным, но никак не накануне выхода из последнего порта. Своим же предложением он развязывал меня, и я с радостью принимаю его отказ”. Однако на следующий день к Коломейцеву пришли лейтенанты Матисен и Колчак с просьбой “уладить это дело”. После долгих колебаний Коломейцев согласился “уладить”, но потребовал, чтобы Толль перед ним извинился в присутствии офицеров, а на общем собрании команды предложил матросам “дать клятву /.../, что они будут вести себя так, что мер строгости совсем не придется применять”. Команда слово дала и во время плавания “вела себя выше всяких похвал”.¹⁹

Писал Коломейцев и о том, как беспокоила его проблема угля для “Зари”, что он “в самом начале плавания предчувствовал угольный кризис”.²⁰ Но предложения Коломейцева о том, чтобы послать кого-нибудь из лейтенантов из Александровска в Архангельск, чтобы проследить за доставкой угля в Югорский шар, Толль не принял. Шхуна с углем туда вовремя не пришла, и Толль решил отправиться в Карское море, не дожидаясь шхуны, несмотря на возражения Коломейцева. “Я говорил ему опять, что без угля идти нельзя, но т. к. он приказал идти, то я и повиновался, записав [этот] факт в вахтенный журнал”.²¹

Рассказал Коломейцев и о том, что когда “Заря” остановилась на зимовку вблизи Таймырского полуострова, Толль собрался отправиться для исследований к озеру Ессей, и на время своего отсутствия передать Коломейцеву руководство экспедицией. При этом Толль сказал, что если не вернется, считать его погибшим, но все же продолжать плавание к Санниковой земле. Коломейцев смог отговорить Толля от этой идеи, полагая, что Академия “даже при благоприятном результате поездки, отнесется [к такому поступку] неодобрительно”.²² В своем дневнике об этой идее Толль упомянул лишь в неявной форме: “Придется отставить мою поездку на Хатангу! Предпринять эту поездку казалось мне необходимым с двух точек зрения: 1) надо отправить письмо президенту Академии наук, чтобы возбудить вопрос о угольной базе на Котельном и 2) надо использовать возможность объехать восточную часть Таймырского полуострова на всем его протяжении. В тоже время мне представляется рискованным покинуть “Зарю”, нет уверенности в том, что здесь все будет протекать благополучно и неизвестно, как сложится в мое отсутствие работа на зимовке” [5, с. 69].

Кроме того, Толль просил Коломейцева найти двух охотников, которые согласились бы дойти до Хатанги, чтобы отправить в Россию сообщение о том, что на “Заре” осталось всего 107 т угля. Предпринять это опасное путешествие вызвался только Колчак. Но его одного к Хатанге Толль отправить не решился.

¹⁸ Там же. Л. 70–70 об.

¹⁹ Там же. Л. 71–72.

²⁰ Там же. Л. 66.

²¹ Там же. Л. 72 об.

²² Там же. Л. 72 об.–73.

Описал Коломейцев и ссору по поводу дежурств во время зимовки. По его словам, он сам предложил, чтобы в научных наблюдениях принимал участие не только ученые, но и морские офицеры. Когда наблюдения велись на “Заре”, Коломейцев всегда находился на борту и следил за порядком на судне. Но когда наблюдения было решено перенести на остров, он попросил Толля, чтобы на борту “Зари” во время дежурства ученых, всегда оставляли или его, или одного из его помощников, полагая, что нельзя яхту оставлять на попечение штатских людей. По словам Коломейцева, “Толль очень резко отказал. Когда я сослался на инструкцию и устав [морской], он ответил, что инструкция была в силе “там”, а теперь его желание и есть инструкция, и порядок на судне будет не по уставу, а как он прикажет”. Тогда Коломейцев сказал, что Толль ставит его в такое положение, что он не сможет продолжать службу, и так как весной собирается отправить Расторгуева с почтой, то может отправить и его: “Словом разрыв полный”.²³

Все же затем во время дежурств, продолжая вести наблюдения на острове, один из лейтенантов всегда находился на “Заре”. Это было утомительно, но Коломейцева такая ситуация устраивала. Однако в январе он получил распоряжение Толля отправиться к Хатанге, а оттуда добраться до Енисея, чтобы затем организовать угольные станции как в гавани Диксон, так и на Котельном острове.

Согласно инструкции Толля, Коломейцев в сопровождении С. Расторгуева (которому поручалось доставить почту экспедиции в Диксон, а затем почту привезти на “Зарю”) должен был ехать на собаках (на одной нарте) к устью реки Таймыры, подняться вдоль этой реке до Таймырского озера, а оттуда направиться к Хатанге. По пути следовало вести съёмки и астрономические наблюдения, что будет содействовать уточнению существующей карты. Толль полагал, что на собаках можно быстро добраться до Хатанги, проходя по тундре в сутки 30 верст в день.²⁴

Коломейцев рассказал Бианки о трудностях, которые испытал во время двух своих поездок в поисках устья Таймыры, об ошибочности карты побережья Таймырского полуострова и о результатах своих наблюдений. Упомянул он и о том, что перед второй поездкой Толль предлагал ему, в случае невозможности ехать на собаках, “бросить все и идти пешком. Причем меня упрекали в отсутствии самоотвержения, любви к делу и дисциплинированности”. А после второй неудачной поездки (с точки зрения определения положения устья Таймыры) Толль предлагал ему “искать самоедов по тундре”. Коломейцев назвал эти требования несообразными, справедливо полагая, что “главная причина это желание удалить меня с “Зари”, а угольный вопрос поручен мне как благовидный предлог”.²⁵

После двух неудачных попыток найти устье Таймыры, Коломейцев решил ехать на запад морем на санях к селению Гальчиха в низовьях Енисея. Так как он получил меньше собак, чем требовалось, пришлось “бросить на льду все консервы, взять с собой сухари и чай. 10 дней меня провожал Бируля, и я питался с его нарт, а потом все время шел в лямках на пище Св. Антония и через 40 дней (14 мая) достиг Гальчихи при полном истощении сил и провизии. Убитые мною /.../ медведь и олень вывели меня из критического положения”.²⁶

Познакомив Бианки с тем, как обстоят дела с доставкой угля в Диксон и состоянием переговоров о доставке угля на о-в Котельный, Коломейцев отметил: “Засим, ознакомив Вас с положением дела, я, конечно об отношениях с Толем [так — Н.С.] пишу Вам частным образом, хотя и предупреждаю, что из этого секрета делать не намерен, и если Великий князь спросит об этом, я ему расскажу”.²⁷

Коломейцев не только справился со всеми трудностями путешествия по тундре, которые ему пришлось преодолевать, прежде чем он смог добраться до устья Енисея.

²³СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 64. Л. 74 об. 75.

²⁴Инструкция сохранилась: СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. № 39. Оп. Л. 18–21.

²⁵Там же. Л. 76.

²⁶Там же. Л. 77 об.

²⁷Там же. Л. 81.

Обнаружив ошибочность существовавших карт полуострова и отсутствие устья Таймыры на том месте, где его изображали, Коломейцев сделал важные географические открытия – нашел неизвестный до того залив и значительную реку (которую Толль в дневнике назвал его именем). Затем Коломейцев быстро организовал склад угля на Диксоне и выяснил как возможности, так и трудности, которые пришлось бы преодолеть для доставки угля на остров Котельный.

Итак, судя по содержанию писем, конфликт стал следствием несовместимости характеров Э.В. Толля и Н.Н. Коломейцева. Толль – нервный, упрямый, неблагодарный. В.С. Кривенко, который в биографическом очерке отметил блестящие качества Толля как полярного исследователя, познакомившись с его дневником, называл Толля идеалистом и обратил внимание на то, что у него была расшатана нервная система.²⁸ Коломейцев имел твердый характер морского офицера, был весьма ответственным и настойчивым человеком. Толля раздражали убеждения Коломейцева, которые он рассматривал как грубость, а Коломейцева – либерализм и определенная безответственность Толля. Собственно говоря, понять можно того и другого, но очевидно, что во время длительной и сложной экспедиции, раздражение накапливается, а это плохо отражается на настроении и отношениях.

Коломейцев был не прав, когда спорил с Толлем, во время последней стоянки, по поводу необходимости постоянного пребывания на борту “Зари” морских офицеров. По морскому уставу это требуется в любом порту. Но речь шла о безлюдной полярной местности, где на сотни километров не было никого, кроме членов экспедиции. Во всяком случае, этот спор не должен был завершиться таким резким рапортом, какой подал Коломейцев.

Академию наук упрекали за то, что она “пожалела денег” для решения угольной проблемы. Между тем, ее решение требовало не только денег: не было известно, когда и каким образом склад на Котельном острове мог быть организован, и смогли бы им воспользоваться участники экспедиции. Вполне резонным было решение комиссии РПЭ прекратить экспедицию. И о доводах комиссии Толля своевременно известили.

Тогда как идея Толля отправиться на остров Беннетта была продиктована представлениями о том, что он не выполнил основную задачу экспедиции. И вместе с тем, судя по записям в дневнике, Толлю не хотелось отправляться на остров и тем более там зимовать. Собственно, можно предположить, что отчаяние и послужило основной причиной гибели Толля. Может быть, если бы командиром “Зари” оставался Коломейцев, он либо сумел бы отговорить Толля от его идеи, или смог бы довести “Зарю” до острова Беннетта в назначенный срок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бялыницкий-Бируля А.А.*: письма из Русской полярной экспедиции // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 84–97.
2. *Виттенбург П.В.* Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
3. История гидрографической службы российского флота / Отв. ред. А.А. Комарицын [в 4 т.]. СПб.: ГУНиО МО РФ, 1997.
4. *Сухова Н.Г.* Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции (Экспедиция для поиска земли Санникова под руководством Э.В. Толля) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 170–219.
5. *Толль Э.В.* Плавание на яхте “Заря”. М.: Госуд. изд. геогр. литературы, 1959. 464 с.
6. St. Petersburg, 7/19. Oktober 1899 // NB Oslo, Nansen papers. No. 48.

²⁸СПФ АРАН. Ф.47. Оп. 2. № 102. Л. 351–351 об.

About the Conflict of E.V. Toll and N.N. Kolomeitsev During the Expedition to Search for Sannikov Land

N. G. Suhova

*Saint Petersburg branch of S.I.Vavilov Institute of History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

**E-mail: ngsukhova@mail.ru*

Relations between the head of the expedition to search for the “Sannikova Land” E.V. Toll and the commander of the schooner (yacht) “Zarya” N.N. Kolomeitsev, almost from the very beginning of the expedition (1900), did not develop in the best way. These relations ended in a conflict, as a result of which Kolomeitsev submitted a letter of resignation, and Toll not only accepted this report, but also found a plausible excuse to part with the experienced yacht commander. This event was undoubtedly one of the reasons for the death of Toll.

Keywords: E.V. Toll, N.N. Kolomeitsev, expedition on the schooner Zarya, Sannikov Land

REFERENCES

1. A.A. Byalyniczkiy-Birulya: pis'ma iz Russkoj polyarnoj ekspedicii // Istoriko-biologicheskie issledovaniya. 2014. T. 6. № 1. S. 84–97.
2. Vittenburg P.V. Zhizn' i nauchnaya deyatel'nost' E.V. Tollya. M.,L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960.
3. Istoriya gidrograficheskoy sluzhby rossijskogo flota/ Otv. red. A.A.Komaricyn [v 4 t.]. SPb.: GUNiO MO RF, 1997.
4. Suhova N.G. Komissiya po snaryazheniyu Russkoj polyarnoj ekspedicii (Ekspediciya dlya poiska zemli Sannikova pod rukovodstvom E.V.Tollya) // Komissii Akademii nauk v XVIII–XX vekah: Istoricheskie ocherki. SPb.:Nestor-Istoriya, 2013. S. 170–219.
5. Toll' E.V. Plavanie na yahte “Zarya”. M.: Gosud. izd. geogr. literatury, 1959. 464 s.
6. St. Petersburg, 7/19. Oktober 1899 // NB Oslo, Nansen papers. No. 48.